ТАРАКАНОВА БЫЛЬ.

Состоя прикащикомъ при нашемъ Американскомъ торговомъ товариществѣ, въ Сентябрѣ 1808 года, отправился я на бригѣ Св. Николай, подъ командой Г. Штурмана Булыгина, изъ Новоархангельска (на Ситхѣ) въ Новый–Альбiонъ, вдоль западныхъ береговъ Америки, на югъ.

Въ тихую погоду много дикихъ навѣщали насъ, но мы остерегались и не пускали болѣе трехъ человѣкъ вдругъ на бригъ. Они были всѣ вооружены: многiе ружьями, другiе стрѣлами изъ оленьяго рогу и костяными рогатинами, въ родѣ вилъ; также костяными косарями или тесаками, кистенями, а нѣкоторые желѣзными копьями. За нитку бусъ и бисера отдавали они большаго палтуса (рыбу), а за морскихъ бобровъ требовали сукна и болѣе ни на что не мѣняли ихъ.

Послѣ бури и шторма отъ ЭО, отъ котораго отлежались мы подъ зарифленнымъ фокомъ, вдругъ заштилѣло

и зыбь стала прижимать насъ къ берегу. Мы уже были въ отчаянномъ положенiи, какъ задувшiй NW далъ намъ отойти отъ опасныхъ береговъ; но за то онъ вскорѣ задулъ такъ, что мы едва уцѣлѣли, и неслись закрѣпивъ всѣ паруса.

Вѣтры мѣнялись, мы все подавались на югъ; въ концѣ Октября захватила насъ опять затишь, при такой зыби отъ запада, что никакихъ средствъ не было удалиться отъ берега: мѣста эти незнакомыя, опасныя; насъ валило прямо на подводную гряду, которая была не далѣе мили отъ берега; мы стали править за рифъ, чтобы пройти между имъ и берегомъ, но очутились посреди цѣлаго сборища надводныхъ каменьевъ и подводныхъ грядъ, такъ, что оставалось только искать спасенiя въ якоряхъ. Но при такой зыби и засвѣжѣвшемъ къ ночи ЭО, канаты наши одинъ за другимъ перетирались на острыхъ каменьяхъ и потерявъ всѣ четыре якоря, мы въ темную бурную ночь поставили паруса — и пустившись на удачу, благополучно вышли

изъ такой ловушки, изъ которой въ свѣтлый день невидали выхода!

Но въ самое это время у насъ переломило фока–рей. Вскорѣ вѣтеръ перешелъ къ Э, потомъ къ ЭW и дулъ прямо на берегъ. Безъ фока–рея не было надежды отлавироваться, а замѣнить его было нечѣмъ, да и некогда. Утромъ 1–го Ноября бригъ Св. Николай бросило на берегъ.

Участь судна нашего рѣшилась; надо было позаботиться о себѣ. Безъ оружія намъ и подумать нельзя было стать ногою на–берегъ, а потому большое было для насъ счастье, что бригъ брошенъ былъ не на каменья, а вплоть у берега, да притомъ въ самомъ началѣ отлива, и вскорѣ очутился почти вовсе на сушѣ. И такъ незаботясь напередъ даже о хлѣбѣ, каждый изъ насъ, съ ружьемъ въ рукахъ, выжидалъ времени: какъ только большой валъ, ударивъ въ судно, разсыпавшись сливался съ береговъ, то мы пускались опрометью на–берегъ. Зарядивъ ружья и поставивъ караулъ, мы стали сымать съ судна пушки,

порохъ, харчи и разныя вещи, поставивъ изъ парусовъ двѣ палатки, развели большой огонь, обсушились и обогрѣлись.

Только что мы устроились, какъ дикiе стали подходить цѣлыми толпами. Насъ было всего человѣкъ 25, и двѣ женщины: жена штурмана — Анна Петровна — и Алеутка. Николай Исаковичъ (штурманъ) распоряжался еще на бригѣ, а мнѣ поручилъ таборъ: я всемѣрно старался не допускать до ссоры съ дикими и уговаривалъ своихъ: сносите, братцы, сколько можно, да старайтесь отжить ихъ отъ табора безъ ссоры; а старшину дикихъ, я неотступно просилъ, не обижать насъ и отойти до грѣха. Но пока я въ одномъ мѣстѣ разсуждалъ и велъ переговоры — подлѣ насъ дошло уже до расправы!

Калюжи (дикiе) полѣзли насильно въ палатки; наши стали гнать ихъ, а тѣ стали ихъ бить каменьями; наши отвѣтили имъ изъ ружей. Я бросился — и встрѣтилъ грудью копье; только что успѣвъ ухватить изъ палатки ружье, какъ камень, пущенный мнѣ прямо въ голову, осадилъ меня на

землю: но я положилъ на мѣстѣ своего непріятеля.

Калюжи побѣжали; одного убитаго и нѣсколькихъ раненыхъ они унесли, а двоихъ оставили на мѣстѣ; мы же всѣ были поранены, кромѣ четырехъ бывшихъ на–суднѣ, но большею частію только ушибены каменьями; а командиръ нашъ былъ раненъ копьемъ и камнемъ.

Проночевавъ — или лучше сказать прогоревавъ ночь, при разставленномъ караулѣ, пошли мы утромъ искать мѣста для зимовья; но по близости никакого удобства не нашли. Тогда Николай Исаковичъ сказалъ намъ:

«Я знаю, что компанейское судно, Кадьякъ, должно вскорѣ прибыть къ здѣшнимъ берегамъ, миль на 65 отъ насъ; на картѣ тутъ рѣкъ не показано; коли это вѣрно, то мы дойдемъ туда легко. Здѣсь намъ не дадутъ покою и изнурятъ; а если мы тотчасъ выступимъ, то Калюжи останутся грабить судно наше, а за нами имъ ни–почто гнаться».

На это всѣ отвѣчали: мы въ волѣ вашей и изъ повиновенія не выходимъ.

И такъ, забравъ исправное оружіе, патроны, порохъ да немного харчей, заклепавъ пушки и затопивъ оставшееся оружіе, мы переправились чрезъ бывшую тутъ рѣку на своемъ яликѣ и съ Богомъ пустились въ походъ.

Мы переночевали спокойно, при часовыхъ, но на другой день уже двое дикихъ подошли смѣло къ намъ и мы узнали въ одномъ изъ нихъ старшину, бывшаго у насъ вчера. Они настойчиво просились въ проводники наши. Я поднялъ на берегу моря дощечку, и сдѣлалъ на ней кружокъ, и отмѣрявъ 30 саженъ, посадилъ пулю въ цѣль. Они поняли отвѣтъ этотъ и ушли.

Вторую ночь расположились мы въ лѣсу, подъ утесомъ; шелъ дождь и снѣгъ; поутру сверху стали скатываться и падать большіе каменья — это было дѣло нашихъ проводниковъ. На другой день дошли мы до рѣки и пошли вверхъ, искать брода: здѣсь наткнулись мы на шалашъ Калюжей, въ

которомъ никого не было. Взявъ изъ него запасъ вяленой рыбы, мы повѣсили имъ за это бусъ и бисера, и не въ далекѣ расположились ночевать.

Утромъ дикари, всѣ вооруженные, насъ окружили. Одинъ выстрѣлъ на воздухъ разсѣялъ ихъ и мы прошли рѣку въ бродъ. Чрезъ нѣсколько дней встрѣтили мы трехъ дикихъ, съ одной женщиной, которые подошли очень льстиво, бранили оставленное нами поколѣнiе, хотѣли служить намъ и когда мы опять дошли до устья рѣчки, то они предложили насъ перевезти. По другую сторону рѣки, у шалашей, ихъ сидѣло до двухъ сотъ; они прислали намъ лодку, съ двумя гребцами, въ которую можно было посадить человѣкъ десятокъ; подумавъ, мы просили ихъ достать еще другую, чтобы намъ переправиться всѣмъ вмѣстѣ. Они и прислали еще маленькую, на которой сидѣла въ гребцахъ одна баба, та самая, которая насъ встрѣтила, — и говорили, что у нихъ здѣсь болѣе лодокъ нѣтъ.

Надо было рѣшиться: въ малую лодку сѣла Анна Петровна, Алеутка наша, и еще двое; въ большую девятеро изъ насъ. Какъ только большая лодка вышла на средину рѣки, такъ бывшіе въ ней двое Калюжъ мигомъ ототкнули пробки, которыми заткнуты были нарочно сдѣланныя ими диры въ лодкѣ, а сами нырнули въ воду. Ее понесло мимо хижинъ, откуда дикари, съ ужаснымъ крикомъ, пустили градъ стрѣлъ и камней; но Богъ вѣсть какъ лодку нашу подхватило отражавшееся отъ противнаго берега теченіе и принесло къ нашему берегу, прежде чѣмъ она успѣла потонуть. Всѣ девять человѣкъ на лодкѣ были изранены. Малая лодка пристала къ тому берегу и дикіе ее захватили.

Сдѣлавъ это дѣло и надѣясь что часть ружей нашихъ въ лодкѣ подмочена, Калюжи смѣло переправились къ намъ, для нападенія; у двоихъ были ружья. Мы на–скоро отаборились; они остановились саженяхъ въ сорока и пускали въ насъ стрѣлы и копья и одну пулю. Мы отстрѣливались около часу и они отступили

тогда только, когда мы у нихъ нѣсколькихъ поранили и двухъ убили.

Но и у насъ одинъ (Собачниковъ) смертельно раненъ былъ стрѣлою въ животъ. Мы понесли его на рукахъ; но въ лѣсу онъ упросилъ насъ положить его и дать покойно умереть: онъ самъ видѣлъ, что конецъ его пришелъ. Ступайте съ Богомъ, говорилъ онъ, они скоро васъ нагонятъ.

Очевидно дикари сбѣгались со всей округи, чтобы насъ перебить. Всякъ изъ насъ думалъ о себѣ, но у всякаго сердце болѣло по начальникѣ нашемъ, который былъ въ отчаянiи по пропавшей женѣ своей. Рѣку не могли мы перейти, дождь насъ мочилъ и мы бродили горами и лѣсами, не зная куда, ожидая поминутно новаго нападенiя — а перемокшiя ружья наши не стрѣляли! Голодъ насъ изнурялъ; мы ѣли древесную губку, потомъ подошвы отъ тарбасовъ своихъ (бахилъ, сапоговъ), съѣли также кишочныя и горловыя камлеи свои (рубахи изъ медвѣжьихъ кишокъ и горла сивучей), даже ружейныя нагалища

или чехлы, изъ сивучей кожи! Мало того — мы закололи вѣрнаго товарища своего, собаку, и также ее съѣли....

Николай Исаковичъ, изнуряемый при такихъ бѣдствіяхъ еще своимъ горемъ, сказалъ: «братцы, мнѣ такъ бѣдовать никогда не случалось; ни къ чему ума не приложу и самъ себя не помню. Я управлять вами не могу, поручаю начальство Тараканову и самъ первый ему буду послушникъ.» Всѣ на это согласились и Николай Исаковичъ написалъ карандашемъ бумагу, что поручается мнѣ начальство; самъ онъ и прочіе всѣ къ ней руки приложили.

Мы съѣли остатокъ собаки своей и проголодавъ день, рѣшились взять харчей у дикарей, во что бы ни стало. Окруживъ двѣ хижины, мы закричали, чтобы всѣ выходили вонъ: вышелъ одинъ мальчишка, объяснивъ, что всѣ бѣжали отъ насъ, за рѣку. Взявъ по 25 рыбъ въ связкахъ, мы ушли; товарищи расположились на ручьѣ завтракать, а я самъ–третей поднялся на гору, чтобъ опознаться. Но не успѣли мы

подняться, какъ двое товарищей моихъ были вдругъ ранены стрѣлами, я оглянулся и увидѣлъ толпу дикарей противъ насъ за рѣчкой, а другiе бѣжали, чтобы насъ перехватить. Стрѣлы посыпались градомъ. Я выстрѣлилъ изъ винтовки и перебилъ одному ногу. Калюжи подхватили его и бросились бѣжать въ одну сторону, а мы отъ нихъ въ другую. Раны наши были не опасны.

Дошедши до табора, отдохнувъ и поѣвши, мы держали совѣтъ, какъ быть: зима наставала, до гавани намъ не дойти и судна своего не видать. Рѣшились итти вверхъ по рѣкѣ и на привольномъ для рыболовли мѣстѣ поставить зимовку.

Ненастье сокрушало насъ. Мѣстами мы добывали мѣной съ лодокъ рыбы; рѣка была очень излучиста и мы подвигались впередъ тихо. Наткнувшись на двѣ хижины, мы просили на промѣнъ рыбы; дикари не охотно дали намъ по рыбкѣ и говорили что больше нѣтъ. Голодъ довелъ насъ до крайности: я выступилъ и грозно приказалъ подать всю рыбу и харчи, что было;

оказалось всего много и мы взяли каждый въ подъемъ рыбы и икры. За это заплатили мы бусами и бисеромъ, къ ихъ удовольствію, такъ, что они же помогли намъ донести харчи до ночлега.

На другой день двое Калюжей вошли въ таборъ къ намъ очень смѣло — одинъ изъ нихъ былъ хозяинъ взятой нами рыбы — принесли для мѣны пузырь китовой ворвани, а потомъ спросили, не хотимъ ли мы выкупить у земляковъ ихъ Анну Петровну. Всѣ мы удивились, считая ее уже погибшею, а бѣдный мужъ ея, Николай Исаковичъ, не помнилъ себя отъ радости.

Штурманъ предложилъ для выкупа послѣднюю шинель свою — а сукно Калюжи цѣнятъ очень высоко; — я прибавилъ свой новый китайчатый халатъ, и всѣ товарищи наши, не исключая Алеутовъ, клали каждый что могъ: кто камзолъ, кто шаровары, кто шапку, составилась порядочная куча, но дикарь все говорилъ мало и требовалъ еще четыре ружья.

Хотя на это трудно было согласиться, но я просилъ показать намъ напередъ

плѣнницу. Они тотчасъ согласились: черезъ два часа явилась она передъ нами, за рѣкой. Мы хотѣли говорить съ нею, и они подвезли ее на лодкѣ и остановившись саженяхъ въ двадцати отъ берега, стали переговариваться. Бѣдный Николай Исаковичъ рвалъ на себѣ волосы — мы насилу его отвели, чтобы онъ не испортилъ дѣла. И онъ, и Анна Петровна, а за ними и всѣ мы заливались слезами. Впрочемъ, она сказала, что ее содержатъ хорошо и жаловаться ей не на что.

Мы предложили прежнiй выкупъ, прибавили еще кой–что и одно испорченное ружье: но дикари никакъ не соглашались, требовали четыре ружья и повезли Анну Петровну назадъ.

Въ это время бѣдный Николай Исаковичъ, обезпамятѣвъ, рвался и метался, и объявивъ себя опять начальникомъ нашимъ, приказывалъ отдать ружья.

Положенiе наше было тяжкое. Я сказалъ, что хотя мы всегда повиновались ему и впередъ повиноваться готовы, но что

такое приказанiе отдаетъ онъ не въ своей памяти и вскорѣ самъ бы сталъ укорять насъ, еслибъ мы его исполнили: оно было къ общей нашей гибели. У насъ только и осталось по ружью на брата, ими мы держались; а коли отдать ихъ врагамъ изъ рукъ, такъ это все одно что подать на себя ножъ; измѣнники Калюжи непремѣнно взяли бы всѣхъ насъ въ плѣнъ, и его самого съ Анной Петровной. Въ такомъ размѣнѣ пути не бывать. Я сказалъ, что если хотя одинъ человѣкъ отдастъ ружье свое Калюжамъ, то я имъ болѣе не начальникъ и не товарищъ, а самъ тотчасъ передамся въ руки дикихъ. Всѣ поклялись ружей не отдавать; въ томъ суди насъ Богъ и Государь.

10–го Декабря выпалъ глубокiй снѣгъ; мы выбрали мѣсто и стали рубить избу, для зимовки. Пуще всего безпокоились мы о харчахъ; къ намъ прибылъ на лодкѣ молодой старшина; я просилъ его доставить намъ рыбы, онъ согласился и приглашалъ одного изъ насъ ѣхать для промѣна ея. Одинъ изъ нашихъ собрался, а дикари,

очень обрадованные случаемъ взять у насъ человѣка, тотчасъ стали торопить насъ и собираться въ путь. Но я взялъ одного изъ нихъ и сказалъ, что оставляю его въ заложникахъ. Этого они не ждали и крѣпко повѣсили носы; а хотя и должны были на условія мои согласиться, но за то привезли нашего Кормачева обратно, безъ рыбы, сказавъ что не достали. Очевидно они надѣялись было обмануть насъ.

За такую измѣну, мы всѣхъ ихъ посадили у себя подъ караулъ, а на лодкѣ ихъ отправили 6 человѣкъ съ ружьями къ ихъ хижинамъ, при чемъ Кормачевъ былъ проводникомъ, и забрали тамъ запасъ рыбы. Затѣмъ, мы одарили ихъ чѣмъ могли и отпустили. Вскорѣ одинъ старикъ самъ привезъ намъ сотню лососей (кижучей) и промѣнялъ на мѣдныя пуговицы.

Мы перебрались въ зимовку свою, въ избу съ будками для часовыхъ по угламъ. Тотъ же старшина навѣстилъ насъ, чтобы высмотрѣть наше новоселье: мы просили у него на промѣнъ рыбы, но онъ грубо отказалъ, надѣясь что всѣ мы скоро

погибнемъ. Я велѣлъ задержать его и потребовалъ выкупу 400 лососей и 10 пузырей икры. Съ недѣлю шли переговоры, потомъ на тринадцати лодкахъ прибыло дикарей до 70 и привезли все, чего мы требовали. Выпросивъ у нихъ одну лодку, мы отпустили заложника, подаривъ ему испорченное ружье, суконный плащъ, одѣяло и рубаху.

Съ лодкою мы зажили получше. Теперь мы могли сами ходить по рѣкѣ на поискъ и брали тутъ и тамъ заготовленную рыбу, гдѣ могли найти ее. Разъ также наши отправились вверхъ, а затѣмъ снизу поднялось много лодокъ дикихъ, съ вооруженными людьми. Мы не пропустили ихъ мимо городка своего, заставивъ выждать нашу лодку; а когда она воротилась, то Калюжи сами отказались ѣхать вверхъ, такъ какъ рыба ихъ была уже въ нашихъ рукахъ. Тогда я объяснилъ имъ, что одна крайность, одинъ голодъ заставляетъ насъ грабить; но такъ какъ сами они во всемъ этомъ виноваты, загнавъ насъ какъ враги въ эти мѣста, то мы будемъ

держаться тутъ по праву сильнаго, и потому, все верховье рѣки, отъ городка нашего, я объявляю нашимъ; а низовье пусть будетъ ихъ; если они не тронутъ насъ болѣе, то и мы ихъ не тронемъ, и даже лодки внизъ не пошлемъ; а если опять станутъ вредить намъ, то мы соберемся и пойдемъ ихъ разорять.

Сдѣлку эту они поняли, утвердили ее и сдержали: во всю зиму мы жили спокойно и они только по временамъ навѣщали насъ, чтобы видѣть, скоро ли мы тутъ пропадемъ. Но мы жили, по своему, привольно; теплая изба, дровъ много, рыбы также — а за хлѣбомъ мы не очень скучали, потому что привыкли къ рыбной пищѣ. У насъ въ Камчаткѣ и люди и звѣри, даже собаки и дворовая птица, живутъ одной вяленой рыбой.

Однако раздумывая, какъ бы выйти весной изъ своего заключенiя, и зная что дикари собираютъ при устьѣ рѣки на насъ большое ополченiе, мы положили: построить большую лодку, итти на ней рѣкой до верховьевъ, а тамъ брести горами

къ югу, къ верховьямъ внутренней рѣки Колумбiи — и ею пробираться въ жилую часть материка Америки.

Но всѣ затѣи наши пошли навѣтеръ. Вотъ что случилось: уже лодки наши были готовы и мы ожидали весны; вдругъ Николай Исаковичъ, бывъ очень задумчивъ отъ разлуки съ Анной Петровной, объявилъ, что принимаетъ опять надъ нами начальство. Я первый объявилъ себя въ полномъ повиновенiи у него и прочiе сдѣлали тоже. Онъ приказалъ готовиться въ путь и въ концѣ Февраля 1809 года спустились мы на лодкахъ къ тому самому мѣсту, куда въ прошломъ году дикари привозили Анну Петровну.

Всѣ мы понимали къ чему дѣло клонилось — но уважая страданiя и скорбь своего начальника, рѣшились не доводить его до отчаянiя и не выходить изъ повиновенiя, а надѣяться на Бога.

Къ намъ подъѣхалъ старикъ, подарилъ *ишкотъ* или плетенку, корзину изъ прутьевъ, которая такъ плотно сплетена, что воды не пропускаетъ. Онъ

распрашивалъ насъ обо всемъ, провожалъ и былъ очень услужливъ: онъ ловко оберегалъ лодки наши отъ наноснаго лѣсу и выпроводилъ насъ, мимо засады земляковъ своихъ на островѣ, другимъ узкимъ проливомъ. Дошедши до устья рѣки, мы стали таборомъ, насупротивъ селенія дикихъ; а старику подарили что могли и еще дали ему нарочно отлитую нами оловянную медаль, на которой былъ двуглавый орелъ и годъ, мѣсяцъ и число. Его звали *Лютлюлюкъ*.

На утро пріѣхало къ намъ много дикарей, и въ томъ числѣ та самая баба, которая увезла отъ насъ Анну Петровну. Мы тотчасъ захватили ее и одного старшину и объявили, что выдадимъ ихъ только за взятыхъ у насъ ими плѣнниковъ. Явился мужъ этой дикарки и сказалъ, что плѣнники уже переданы другому поколѣнію, но въ четыре дня обѣщалъ доставить ихъ, если только мы не сдѣлаемъ зла заложникамъ.

Черезъ недѣлю по ту сторону рѣки опять явилось много народу и они насъ вызывали

къ переговорамъ. Я самъ–третей спустился къ берегу. Шайка эта пришла со старшиной, на которомъ были шаровары, куртка и шляпа, тогда какъ земляки его ходятъ почти нагiе, въ однѣхъ одѣялахъ или плащахъ. Съ нимъ была и наша Анна Петровна.

Но каково было изумленiе наше, когда она, послѣ перваго привѣтствiя, объявила, что мы задержали родную сестру старшины въ пуховой шляпѣ, что они оба люди добрые, содержатъ ее — Анну Петровну — хорошо, а потому она и требовала, чтобы мы тотчасъ освободили своихъ плѣнниковъ; сама же она не желаетъ съ нами горе мыкать, а остается тамъ, гдѣ ей хорошо, и намъ совѣтуетъ отдаться въ ихъ руки. Къ этому она прибавила, что старшина обѣщаетъ отправить насъ на одинъ изъ кораблей, стоящихъ теперь не въ далекѣ въ заливѣ; а о взятыхъ съ нею вмѣстѣ сказала, что Якова и Котельникова здѣсь нѣтъ; они достались на долю другаго поколѣнiя; Алеутка же Марья здѣсь.

Насъ какъ громомъ поразило; я переспрашивалъ Анну Петровну, убѣждалъ ее — все напрасно. Она говорила, что мы всѣ погибнемъ, а въ рукахъ у этого старшины будемъ цѣлы. Дѣлать было нечего, съ этою вѣстью пошелъ я въ таборъ.

Долго Николай Исаковичъ не хотѣлъ этому вѣрить, и мы за него крѣпко боялись. Я сказалъ ему, что она сдѣлала умнѣе насъ, такъ ей вѣрить можно; чѣмъ пропадать въ дремучихъ лѣсахъ одинъ по другому — лучше и вправду передаться дикарямъ. Онъ молчалъ; я объявилъ тоже всѣмъ товарищамъ; они просили подумать — и мы отложили рѣшенiе до утра.

По утру пятеро изъ насъ: штурманъ, я, Овчинниковъ и два Алеута, передались Калюжамъ, сказавъ старшинѣ ихъ, что вѣримъ его честному слову; прочiе, простившись съ нами по братски, остались по себѣ и, не довѣряя обѣщанiямъ дикихъ, перейти къ нимъ отказались, но не къ добру: вздумавъ переѣхать на островъ, они

нашли на камень, утопили лодку, подмочили весь порохъ и сами чуть не потонули. Безъ оружія, они всѣ взяты были въ плѣнъ другимъ поколѣніемъ дикихъ.

Старшину нашего звали *Ютрамакіемъ*. Всѣхъ насъ разобрали по рукамъ; Николай Исаковичъ пошелъ къ тому же хозяину, у котораго была Анна Петровна и съ нею помирился. Вскорѣ Ютрамакій перешелъ жить на другое мѣсто и взялъ съ собою меня и Николая Исаковича, обѣщавъ вскорѣ выкупить и супругу его. Но у нихъ вышла какая–то ссора и хозяинъ Анны Петровны воротилъ выкупъ за мужа ея — дѣвку и два аршина сукна — и требовалъ возврата штурмана. Ютрамакій не соглашался. Наконецъ самъ Николай Исаковичъ упросилъ его въ этомъ, желая быть при женѣ; но съ этого времени каждаго изъ насъ безпрестанно мѣняли, дарили и продавали съ рукъ на–руки, ровно товаръ, и бѣдный Николай Исаковичъ съ Анной Петровной терпѣлъ самую горькую участь: то ихъ соединяли, передавая обоихъ одному хозяину, то разлучали — и одна

смерть ихъ кончила такое бѣдствіе: она скончалась въ Августѣ 1809 года, а онъ въ Февралѣ 1810. Миръ праху его.

Я оставался всего болѣе у Ютрамакія: онъ обходился со мною очень хорошо. Я старался его тѣшить. Они настоящіе ребята: я сдѣлалъ бумажный змѣй, и когда онъ поднялся, то они съ удивленіемъ говорили, что Русскіе могутъ достать солнце съ небесъ. А когда я сдѣлалъ пожарную трещетку, показавъ старшинѣ, что она подаетъ разный голосъ и можетъ служить для сигналовъ, то мнѣ дивились, какъ человѣку, которому по уму нѣтъ ровни во всей поднебесной!

Въ Сентябрѣ 1809 г. я поставилъ себѣ особую избушку, стрѣлялъ много дичи, а зимой дѣлалъ хозяину обручную посуду: когда я выковалъ для этого изъ гвоздей, на камнѣ, скобель и зауторникъ, то диву конца не было. Меня уровняли, по званію, со старшиной и всюду звали въ гости на ряду съ нимъ и такъ принимали.

Въ зиму на 1810–й годъ у Калюжъ былъ голодъ, мало рыбы пришло, и они платили

за десятокъ лососей по бобру. Трое изъ нашихъ бѣжали отъ голоду ко мнѣ; хозяинъ мой много бобровъ переплатилъ, а кормилъ насъ; когда же ихъ потребовали назадъ, то онъ сослался на меня. Я отпустилъ ихъ, но съ уговоромъ, чтобъ не обижали и до сыта кормили.

Весной перекочевали мы, и я построилъ землянку еще лучше первой, съ бойницами. Что бы любоваться ею, старшины приходили издалека и я прославился мастеромъ и великимъ строителемъ.

Въ маѣ Богъ услышалъ молитвы наши — Американское судно подошло къ берегамъ. Радость нашу нельзя и описать. Хозяинъ мой отправился со мною на бригъ, къ Капитану Броуну, гдѣ я уже засталъ одного изъ нашихъ, Валгусова. Броунъ выкупалъ насъ, кого привозили, вызывая къ тому дикихъ, и отдавая по пяти байковыхъ одѣялъ, по пяти саженъ сукна, напилокъ, два ножа, зеркало, пять картузовъ пороху, пять мѣшковъ дроби за каждаго. Но двоихъ нашихъ дикари задержали и просили выкупа вдесятеро болѣе. Капитанъ Броунъ

захватилъ старшину, сказавъ что увезетъ его, если не выдадутъ Русскихъ. И въ тотъ же день ихъ привезли, даже доставили къ другому дню третьяго, о которомъ сказали, что его нѣтъ, Шубина, и принявъ за каждаго положенный выкупъ, весело отправились на берегъ.

Такимъ образомъ Броунъ выкупилъ 13 человѣкъ; въ плѣну погибло 7; одинъ выкупленъ былъ уже прежде, а одинъ остался, завезенный куда–то далеко. 9–го Іюня прибыли мы въ Новоархангельскъ, на Ситхѣ, черезъ одинъ годъ, восемь мѣсяцевъ и 20 дней послѣ выхода изъ этого–же порта.

Вспоминая о приключеніяхъ своихъ, мы часто благословляли память Николая Исаковича: не послушайся мы его, не воротись къ устью рѣки, а уйди — какъ мы хотѣли — въ горы, и всѣ бы мы погибли!

Нельзя жить безъ начальства, нигдѣ, даже и въ плѣну: а во время бѣды, безъ головы рукамъ и ногамъ плохо.